

Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2000
Номер выпуска: 03
Заглавие: Одиночество Чехова
Автор: Г. Т. Шмульян

*"Как я буду лежать в могиле один,
так, в сущности, я и живу один".
А.П. Чехов "Из записных книжек"*

Человек не может существовать сам по себе. Ему нужен рядом тот, с кем бы он мог поддерживать близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности и общности интересов. Ему нужен рядом тот, с кем бы он мог поделиться своими сомнениями и надеждами, с кем бы он мог разделить горе и радость своего бытия, кто мог бы, не боясь и не стесняясь, сказать ему правду, порой резкую, горькую, но - правду... Иными словами, человеку нужен друг. Но друзей не выбирают — ими становятся. И чем раньше, тем лучше — ведь осмысленность, содержательность и, в конечном итоге, счастье жизни находятся в прямой зависимости от длительности этой жизни, проведенной рядом со своим другом.

Никто, наверное, не станет спорить или утверждать обратное по поводу того, что для большинства людей детство и годы учения являются самым прекрасным временем их жизни, когда не давит еще на мозг и на плечи груз жизненного бытия, несбывшихся надежд и желаний, когда не признают правил, навязанных извне, редко всерьез задумываются о будущем и еще реже пользуются уроками прошлого - все воспринимается только через себя или через окружение своих сверстников, с которыми проводят большую часть времени и которые с течением этого времени становятся тебе порой дороже даже самых близких людей. Не секрет, что наша память избирательна, и не потому ли уже в зрелом возрасте мы больше и чаще вспоминаем о своих друзьях по двору, школе, институту и прочим этапам своего детства и юности, нежели о своих недавних знакомых. Но это происходит как правило лишь тогда, когда эти воспоминания касаются не просто своих сверстников или товарищей по школе, а настоящих друзей, или, вернее, настоящего друга, поскольку количество друзей и качество дружбы — понятия, обратно пропорциональные друг другу.

У Чехова, как ни у кого другого, была прекрасная возможность обзавестись таким другом в годы своего детства и, особенно, в пору своей учебы в таганрогской гимназии. Круг его знакомств был чрезвычайно широк. Здесь и дворовые, и городские знакомые, и соученики-гимназисты, и гимназисты старших классов — товарищи его старших братьев, и те, кого сам Чехов готовил к поступлению в различные учебные заведения, и многие, многие другие.

Таким другом вполне мог стать Андрей Дросси, в доме которого часто устраивались музыкальные вечера и любительские спектакли. Много времени проводили вместе юные Чехов и Дросси и вне "стен искусства", о чем Дросси подробно рассказал в своих ностальгически грустных воспоминаниях, что, впрочем, всегда свойственно литературе подобного рода. Подтверждая вышесказанное, сестра Андрея Мария в своих воспоминаниях "Юный Чехов" писала: "Чехов был близким товарищем моего брата Андрея и моим другом".

Таким другом вполне мог стать и Василий Зембулатов, с которым Чехов особенно сблизился в последние годы своего одинокого пребывания в Таганроге. По воспоминаниям М.П. Чехова, младшего брата писателя, *"когда они оба были гимназистами, то довольно весело проводили лето вместе"*, К тому же после окончания гимназии оба поступили на медицинский факультет Московского университета, и, будучи студентом, Зембулатов являлся пансионером в семье Чеховых.

Таким другом мог стать и некий Петя Кравцов, которого Чехов после отъезда своей

семьи в Москву за стол и угол формально уже в чужой, но фактически в своей квартире готовил к поступлению в юнкерское училище. *"Репетируя Петю, — вспоминал все тот же Михаил Павлович, — Антон близко сошелся с ним и полюбил его, тем более, что они оказались почти сверстниками. Когда наступило лето, этот Петя пригласил его к себе в имение, и Антон Павлович впоследствии рассказывал мне о своем пребывании в этой степной первобытной семье"*.

Можно было бы еще много приводить имен и фамилий тех, в чьи дружеские объятия могла бы бросить судьба Чехова, если бы... О, это "если бы..."! За этими словами всегда следует причина невыполнения упомянутого ранее события. Но хотя эта причина и не является в общем случае абсолютной и может действовать на каком-то ограниченном временном интервале, в отношении Чехова она звучит как приговор, ниспосланный ему свыше. И причина эта - в его литературном призвании, которое проявилось уже в самом раннем возрасте и которое ярко отразилось в его произведениях, обесмертивших его короткую до трагизма жизнь.

Это углубленное в раннем возрасте погружение в литературное творчество, конечно, не могло не отразиться на его отношении к сверстникам и соученикам по гимназии. Вот что по этому поводу отмечал один из них, Михаил Кукушкин: "Товарищи все без исключения любили Чехова, хотя ни с кем из них он особенно не сблизился. Со всеми он был искренен, добр, прост и сердечен, но никто из нас ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ (выделено мной - Г.Ш.) дружбой его похвалиться не мог. Несмотря на общее к себе расположение, Чехов все-таки производил впечатление человека, ушедшего в себя".

Далее М. Кукушкин отмечает, что *"всем была известна его (Чехова — Г.Ш.) исключительная склонность к чтению беллетристических произведений, которому он отдавал все свои досуги"* и из-за чего уклонялся *"от товарищеских пирушек и в свойственных школьному возрасту шалостях не участвовал"*. В дальнейшем, став студентом Московского университета, Чехов *"все же оставался в стороне от корпоративной студенческой жизни, был не участником ее, а наблюдателем. И, судя по всему, достаточно скептическим наблюдателем"* (Г. Бердников "Чехов"). В сущности, о том же в своих воспоминаниях говорит и беллетрист А.С. Лазарев-Грузинский: *"Стена равнодушия стояла в юности между товарищами Чехова по гимназии и им"*. *"Хроме жены-медицины, у меня есть еще литература-любовница"*, — писал Чехов своему брату Александру в 1887 году, может быть даже в то время и не подозревая, насколько был прав тогда и будет прав в дальнейшем. Прав, конечно, формально, хотя по существу только одна литература и была для него и "женой", и "любовницей" одновременно. Как ни горько признавать, Чехов и пожертвовал собой во имя этой ЛИТЕРАТУРЫ и, в конечном счете, во имя всех нас - ее поклонников.

Одной из характеристик степени душевных отношений в большинстве случаев является количество и "качество" писем, посылаемых адресантами друг другу. Наиболее справедлива эта характеристика в отношении людей, обитающих в разных местах проживания. После окончания университета Чехов в основном жил в Москве, Мелихове, Ялте и за границей. Соучеников и товарищей по гимназии рядом практически никого не было, и все общение между ними практически сводилось к переписке, на что Чехов, как никто другой, был ас — в настоящее время известно свыше 6 тысяч писем, написанных им за свою короткую жизнь.

А теперь немного статистики. Из шести с лишним тысяч написанных Чеховым писем известно 139, адресатами которых являлись только одиннадцать его знакомых гимназистов. О десяти других гимназистах в его эпистолярном наследстве упоминается лишь мимоходом. Но и упомянутые 139 писем распределяются неравномерно: 44 - к П.А. Сергеенко, 42 — к А.Л. Вишневному, 32 - к И.Я. Павловскому, 8 — к Д.Т. Савельеву, 7 — к В.А. Сиротину, по одному - к П.Н. Боярову, Л.Ф. Волкенштейну, М.Ф. Волкенштейну, И.И. Островскому, М.Н. Псалти, С. Крамареву. И уже эти статистические данные позволяют утверждать, что среди соучеников и знакомых Чехова по гимназии так и не нашлось человека, который мог бы претендовать на гордое звание его друга. Приятеля, товарища —

да, но только не друга.

И впрямь, с первыми тремя у Чехова была, в основном, чисто деловая переписка. Сергеенко, сам литератор, был автором рецензии на первую книгу Чехова "Сказки Мельпомены", писал стихи и пытался через Чехова "пристроить" их в журналах. Но главным, что, по-моему, связывало его с Чеховым, особенно в последние годы жизни писателя, было то, что он являлся доверенным лицом Чехова в его переговорах при заключении договоров с А.Ф. Марксом, петербургским книгоиздателем, получившим в 1899 году все права на издание всех чеховских произведений.

Такие же литературные отношения связывали Чехова и с литератором Павловским. Проживая в основном за границей, Павловский в своей переписке с Чеховым преимущественно касался вопросов издания произведений Чехова за рубежом, а своих — в России, своего сотрудничества с московским "Курьером" и другими газетами. Чехов редко виделся с Павловским и мало что знал о его жизни, хотя время от времени и интересовался ею (1899 г. — *"Очень, очень хочется повидаться и поговорить. Не обманите, приезжайте"*).

Что же касается Вишневого, артиста созданного в 1898 году Московского Художественного театра, то и здесь их переписка легко объясняется с чисто профессиональных позиций, тем более, что практически ведет отсчет именно со времени основания этого театра. Интересно, что до этого времени они практически не поддерживали между собой никаких отношений и только после знакомства Чехова с О.Л. Книппер и, как следствие, с труппой театра, актером которого являлся Вишневский, эти отношения возобновились. При этом нельзя забывать, что во всех чеховских пьесах, поставленных на сцене этого театра, Вишневский играл, и играл довольно успешно, что и являлось основной темой в их переписке. Интересно, что и первое упоминание о Вишневском в письмах к другим адресатам появляется лишь после того, как Чехов побывал в Москве на репетиции "Царя Феодора Ивановича" (14 сентября 1898 г.).

По-настоящему дружеские отношения не сложились у Чехова и с Савельевым, и с Зембулатовым (жаль, что писем Чехова к нему пока не обнаружено). И это несмотря на то, что они были как соучениками по таганрогской гимназии, так и сокурсниками по медицинскому факультету Московского университета. И это несмотря на то, что, по воспоминаниям Г.И. Россолимо, невропатолога, профессора Московского университета, однокурсника Чехова, *"оба товарища А.П. относились к нему, как к самому лучшему другу детства; их соединяли не только узы гимназической скамьи, но и донское происхождение, и весь, хотя и неглубокий, но обычно интимный круг интересов гимназических одноклассников"*. Но так относились они к Чехову. Взаимности, увы, не было. *"Савельева и Макара (Зембулатова - Г.Ш.) ДАВНО (выделено мной - Г.Ш.) не видел"*, — пишет Чехов в письме своему другому товарищу по таганрогской гимназии Соломону Крамареву. И пишет это Чехов в мае 1881 года, когда все они были уже третьекурсниками и должны были по неписаным законам землячества поддерживать довольно близкие отношения, тем более, что и Савельев, и Зембулатов какое-то время даже и жили в семье Чеховых на правах пансионеров. Но эти отношения так и остались на уровне товарищеских. По воспоминаниям того же Россолимо, *"у Чехова, уже студентом ушедшего в круг широких литературных интересов и уже вырисовывавшегося как яркая творческая индивидуальность, казалось, ничего не должно было оставаться общего с этими милыми детьми южных степей"*.

Да это, наверное, понимали они и сами. Так, Зембулатов вскоре после поступления в Московский университет в доверительной беседе с Россолимо сожалел о том, что Чехов отдалился от общения со своими земляками и примкнул к группе художников и литераторов.

Еще более отдаленными были у Чехова отношения с другими адресатами — свидетелями и спутниками его детства и юности. Так, о В.А. Сиротине, его товарище гимназии, а впоследствии офицере и таганрогском домовладельце, Чехов упоминает в одном из писем только в 1896 году: *"...Сиротин живет, КАЖЕТСЯ (выделено мной — Г.Ш.)"*,

у своей матери Александры Федоровны (сестры поэта Щербины) на Полицейской улице... (ныне улица Чехова - Г.Ш.). Переписка между ними длилась с 1898 по 1902 год и касалась, в основном, медицинских тем, связанных с болезнями Сиротина. Переписка (если это можно назвать перепиской) с другими носила еще более абстрактный характер, сводясь преимущественно к вежливой форме ответов Чеховым на заданные ему в полученных от адресатов письмах вопросы, а также сообщению о посылке просимых ими изданных чеховских книг.

Обобщая все вышесказанное, приведу два письма Чехова, которые однозначно подводят черту в ответе на вопрос "Были ли друзья у Чехова среди таганрогских гимназистов?". В 1893 году в письме в Тифлисскую губернию своему однокласснику по таганрогской гимназии врачу И.И. Островскому, Чехов (кстати, ответ на это письмо он получил только полтора года спустя) пишет:

"О других гимназических товарищах я имею САМЫЕ НИЧТОЖНЫЕ (выделено мной - Г.Ш.) сведения. Савельев земским врачом где-то на Дону, Зембулатов тоже врачом на Курской дороге; Эйгорн поет в Петербургской опере под фамилией Чернов; Сергеенко живет в Москве и работает в местных газетах — не без успеха; Унанов ... умер от холеры. Кукушкин ведет бродячую жизнь опереточного певца. Братья Волкенштейны адвокаты. Марк Крассо — врач в Ростове. А еще кто? Больше ни о ком не слышал (заметьте — "не слышал", а не "не знаю" — Г.Ш.). Зиберов, говорят, умер... Я Рахмана Захара (в гимназии звали его Зельманом?) очень хорошо помню. Передайте ему поклон и пожелание успехов..."

Это письмо было написано в 1893 году, но уже через пять лет в письме к П. Ф. Иорданову, санитарному врачу и члену таганрогской городской управы, на его просьбу выслать фамилии и адреса таганрожцев, которым городская Дума должна выслать приглашения на празднование 200-летия Таганрога, Чехов проявляет еще большую "забывчивость":

"Из наших таганрожцев, родившихся в Таганроге или учившихся в таганрогской гимназии, я ПОКА МОГУ ВСПОМНИТЬ (выделено мной — Г.Ш.) только следующих:

- 1) *Иван Яковлевич Павловский (И. Яковлев), парижский корреспондент "Нового времени"...*
- 2) *Александр Михайлович Яковлев (Московский театр Корша), артист.*
- 3) *Певец Чернов.*
- 4) *К.О. Нотович, издатель "Новостей".*
- 5) *Алексей Петрович Коломнин, присяжный поверенный, личность, популярная в Петербурге, один из директоров Литературно-артистического кружка...*
- 6) *Белелюбский, инженер...*
- 7) *Владимир Григорьевич Вальтер, врач...*
- 8) *Василий Иванович Зембулатов, врач на Московско-Курской дороге, живет в Серпухове.*
- 9) *Петр Алексеевич Сергеенко".*

Интересно, что если в 1893 году Чехов вспомнил об 11 своих соучениках и знакомых гимназистах, то спустя 5 лет в его памяти остались только пятеро. И причина этому одна — в его гимназическом окружении не нашлось никого, кто бы смог стать ему настоящим другом. А если бы кто и попытался претендовать на это место, то, без сомнения, потерпел бы неудачу. Потому что это место давным-давно уже было занято ЛИТЕРАТУРОЙ, и занято навсегда!

Ну, хорошо! Среди бывших гимназистов, как мы убедились, у Чехова настоящего друга так и не нашлось.

Но после окончания гимназии Чехов прожил еще 25 лет. Неужели за это время так никто и не оказался востребованным занять это достойное место, тем самым выполнив по отношению к нему свое не менее достойное предназначение? Увы, к сожалению, никто! Со всеми у Чехова были равные, зачастую приятельские отношения, и таких приятелей у него было много, даже очень много, но все они возникали на каких-то определенных этапах его

жизни, как бы передавая эстафету один другому и создавая тем самым впечатление, что сам Чехов не был предназначен для такой дружбы, да и, по большому счету, не был в ней заинтересован.

Интересно, что, комментируя отношения между Чеховым и его приятелями, некоторые литературоведы и авторы воспоминаний то и дело при этом используют слова "дружба", "дружеские" и им подобные, не задумываясь о действительной этимологии этих слов. Вот только некоторые из таких комментариев:

"Быстро и легко сдружился Чехов с Алексеем Николаевичем Плещеевым, известным поэтом, беллетристом и переводчиком" (Г. Бердников "Чехов").

"...весной 1899 года состоялось еще два интересных знакомства — с молодыми, начинающими тогда писателями А.И. Куприным и И.А. Буниным. Чехов подружился с ними" (Т. Бердников "Чехов").

"После смерти брата Николая Шехтель перенес свою дружбу на Антона Павловича и всегда считал его своим лучшим другом" (М.П. Чехов "Вокруг Чехова").

"Большими друзьями Чехова были талантливый архитектор Шехтель, талантливый пейзажист Левитан, он очень дружил ... с Потапенкой, с Максимом Горьким" (А.С. Лазарев-Грузинский "А.П. Чехов").

Что можно сказать по этому поводу? Левитан и Чехов действительно были в приятельских отношениях с семьей Чехова, особенно с его братом Николаем. Что же касается самого Антона Павловича, то их отношения так и остались на уровне приятельских. При этом с Левитаном они не раз омрачались, так как оба были в некотором смысле соперниками в период увлечения Чеховым Ликой Мизиновой. Кроме того, публикация в 1892 году рассказа Чехова "Попрыгунья", в котором современники увидели намек на отношения Левитана с художницей Кувшинниковой, и вообще послужила причиной их трехлетней ссоры; ходил даже слух, что Левитан собирался вызвать Чехова на дуэль.

А то, что Шехтель считал Чехова "своим лучшим другом", тоже не говорит о многом, так как, как мы помним, так же считали и Зембулатов, и Савельев, но эти "расчеты" так и не переросли в тождество. Вот только некоторые выдержки из писем Чехова Шехтелю:

1893 г. - "Как Вы живете? Что новенького?... Вы еще НИ РАЗУ (выделено мной — Г.Ш.) не были у меня".

1894г. - "Как Вы живете? Как Ваше здоровье?... Если бы я знал, когда Вас можно застать дома, то побывал бы у Вас. Я теперь часто бываю в Москве".

Вряд ли такую переписку можно отнести к дружеской, не правда ли?

То же можно утверждать и по отношению к остальным упомянутым выше персоналиям, которые относятся за малым исключением к литературной "братии" и с которыми у Чехова были преимущественно чисто литературные интересы.

К АН. Плещееву, который был старше Чехова на 35 лет, Антон Павлович, по выражению того же Г. Бердникова, **"относился ... с нежностью и глубоким уважением, но не без некоторой доли иронии". В одном из писем Чехов пишет:**

"У меня гостит А.Н. Плещеев. На него глядят все, как на полубога, считают за счастье, если он удостоит своим вниманием чью-нибудь простоквашу, подносят ему букеты, приглашают всюду и проч. ... Здесь он изображает из себя то же, что и в Петербурге, т.е. икону, которой молятся за то, что она стара и висела когда-то рядом с чудотворными иконами. Я же лично, помимо того, что он очень хороший, теплый и искренний человек, вижу в нем сосуд, полный традиций, интересных воспоминаний и хороших общих мест".

Не удивительно, что, упоминая о Плещееве, Чехов зачастую называл его "стариком", вкладывая в это слово и нежность, и глубокое уважение, о которых упоминал Бердников. Знакомство их продолжалось не так уж долго и носило преимущественно заочный характер. Правда, в последние годы жизни Плещеева Чехов все более и более от него отдалялся - даже

находясь в одно и то же время в Париже, они так и не нашли времени для взаимного общения. К тому же однажды у Чехова в одном из его писем даже неожиданно вырвалось: "Плещеева к черту!"

Недолго длилось знакомство Чехова и с молодыми писателями — Буниным, Горьким и Куприным. Бунин познакомился с ним в 1895 году, следующая встреча состоялась лишь в 1898 году, а затем в 1900-1904 годах, когда Чехов был уже неизлечимо болен и жил в Ялте. Личное знакомство Чехова с Горьким произошло в 1899 году, с Куприным — в 1901-м. Все трое оставили о Чехове теплые воспоминания, но ни в одном из них нет даже и упоминания о дружбе с ним. Они видели в нем литературного мэтра (надпись на подаренной Чехову Куприным книги "Миниатюры": *"Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову с чувством большой робости. Автор"*), старшего товарища, душевного человека, которому было приятно их общество и с которым им было приятно проводить время - и только. Живя в Ялте, Чехов как никто другой ощущал свое одиночество (по словам театрального деятеля, режиссера и художника Л.А. Сулержицкого, *"Чехов умирает от одиночества"*) и поэтому с радостью отзывался на встречи со многими своими старыми и новыми знакомыми, особенно с теми, кто отвечал его литературным вкусам. Вот что по этому поводу в своих воспоминаниях пишет И.А. Бунин:

"Он настаивал, чтобы я бывал у него ежедневно с самого утра. Из эти дни мы особенно сблизились, хотя и не переходили какой-то черты, — оба были сдержанны, но уже крепко любили друг друга... Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший, — я почти на одиннадцать лет моложе его, — но то же время никогда не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество, — теперь я могу это сказать, так как это подтверждается его письмами к близким: "Бунин уехал, и я один...""

Но и с Буниным, хотя с ним Чехов и *"чувствовал себя легко и просто,... были они разными людьми и о многом думали по-разному"* (Л. Малюгин, И. Гитович "Чехов").

С Игнатием Николаевичем Потапенко, беллетристом, драматургом и фельетонистом, Чехов познакомился в 1889 году в Одессе, после чего вновь встретился с ним в июле 1893 года в Мелихове, где с этого времени Потапенко стал частым гостем. Со временем перейдя на "ты", они много времени проводили вместе. Но друзьями, тем более "большими друзьями", они так и не стали. И дело здесь было не в их различии в подходе к литературному творчеству и степени литературного признания (*"Как ни ругали за границей Вашу "Около истины", но мне эта повесть кажется на 10 голов выше, чем все лучшие вещи Потапенко"* — из письма Чехова И.Л. Леонтьеву-Щеглову) и даже не в "неджентльменском" поступке Потапенко по отношению к Л. Мизиновой (*"Потапенко ... свинья"*). Просто они были разными людьми - разными и в интеллектуальном, и в этическом плане, что не давало права на дружбу ни при каких обстоятельствах. Жизненное кредо Потапенко, диаметрально противоположное чеховскому представлению о порядочности, хорошо видно в его письме Чехову в мае 1894 года:

"Что за фантазия, милый Апяню, думать, что я — свинья? Достаточно признавать, что я человек, чтобы ожидать от меня большего свинства, чем от самой жирной свиньи".

В своих воспоминаниях о Чехове А.С. Лазарев-Грузинский пишет: *"Однажды ... я спросил Чехова: "У вас много знакомых?" Чехов ответил: "Нет"*. Ответ удивил автора воспоминаний, как удивил бы любого, кто хотя бы даже в общих чертах знаком с биографией писателя. Но в этом ответе, как в зеркале, отразилась та душевная боль, которая терзала его сердце всю его недолгую жизнь и которая заставила его перенести на бумагу жестокие, но справедливые слова, вынесенные в эпитафию.

Конечно, у него было много знакомых. Много было знакомых "добрых" и "хороших". Были и приятели, близкие и просто. Но Друга, настоящего друга, судьба подарить ему так и не удосужилась. Чехов в юные годы сам выбрал свою судьбу, а потому, вероятно, знал ее

предначертание. Он шел по жизни один, делясь с другими только второстепенными ее деталями. Создавалось впечатление, что окружающие его люди, порой даже довольно близкие, ему только мешают, отвлекая от предначертанного ему судьбой пути. Примером этому может послужить и венчание Чехова, на котором с его стороны никого не было - ни его знакомых, ни родственников. Даже его младший брат Иван, находившийся в то время в Москве и видевший Чехова **"в то же утро перед самым венчанием, за какой-нибудь час до церемонии"**, узнал обо всем "только тогда, когда все уже совершилось" (М.П. Чехов "Вокруг Чехова"). В чем-то схоже по этому поводу и высказывание американского писателя Э. Куина: "Дружба мешает способности критически оценивать кого-либо..." И действительно, чеховское призвание такого вмешательства никоим образом не допускало.

Но не будем слишком строги к тому, кто сам, выбрав себе судьбу, остался ее заложником на всю жизнь. В этом — и беда, и счастье одновременно. Правда, беда - для одного Чехова, а счастье — для всех нас. Но, может быть, в этом и есть смысл жизни?

И в заключение — отрывок из воспоминаний И.Н. Потапенко (того самого), знавшего Чехова достаточно и настолько хорошо, что все нижеследующее можно считать вполне достоверным:

"... я утверждаю, что у Чехова не было друзей. То обстоятельство, что после его смерти объявилось великое множество его друзей, я не склонен объяснять ни тщеславием, ни самозванством. Я уверен, что эти люди вполне искренне считали себя его друзьями и по своему настроению таковыми и были, то есть они любили его настоящей дружеской любовью и готовы были открыть перед ним всю душу. Может быть, и открывали, и наверное так, — у него было то неотразимое обаяние, которое каждую душу заставляло отдаваться ему, -потому-то он и знал так хорошо тончайшие извилины человеческой души. Но он-то свою не раскрывал ни перед кем. Может быть, это-то знание, эта изумительная способность видеть человека насквозь и была причиной того, что он не мог никого близко подпустить к своей душе".

Достоверность этих слов подтверждается и тем, что задолго до их опубликования и сам Чехов признался себе (и только себе!) в этом и, как всегда, оказался прав, убедительно подтвердив свою правоту своею, по большому счету, одинокой жизнью:

"Как я буду лежать в могиле один, так, в сущности, я и живу один".